

От «Севера России» к «Русскому Северу»: интеллектуальное присвоение северных территорий Европейской части России в середине XVIII — первой половине XIX века

М. Г. Агапов

Михаил Геннадьевич Агапов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр урбанистики Тюменского государственного университета. 625003, Тюмень, ул. Володарского, 6. E-mail: magarov74@gmail.com

Аннотация. Нормативность понятия «Русский Север» представляется на первый взгляд самоочевидной, однако понятие возникло лишь в середине XIX века, а закрепилось в политическом и повседневном языке только на рубеже XIX–XX веков. Понятие «Русский Север» зародилось в трудах отечественных ученых, общественных деятелей и чиновников середины XVIII — первой половины XIX века. Культурное конструирование территории состояло в установлении связей, основанных и на фактах, и на вымысле, благодаря чему и возникали «Сибирь», «Кавказ», «Русский Север» и другие «миры» как аналитические категории. Они рождались из разнообразного набора интеллектуальных операций, таких как наблюдение, описание, сравнение, систематизация, дифференциация и т.д., осуществлявшихся государственными чиновниками, учеными и путешественниками, поэтами и философами. Культурное конструирование северной имперской периферии было неотделимо от культурного конструирования центра, поскольку наблюдатели из центра едва ли могли описать главные отличия периферии, не формулируя одновременно по умолчанию и собственную исходную позицию. Во второй половине XVIII века дискурс о Северном крае формировался в рамках имперского камерализма, с характерным для него распределением территорий и населяющих их народов по «шкале сравнительной цивилизованности» (термин Л. Вульфа). Во второй половине XIX века доминирующим стал русификаторский дискурс, нацеленный на радикальную пересборку имперского общества как единого национально-государственного тела. Именно в этом контексте «Север России» был переосмыслен как «Русский Север», что дало новые основания для символического присвоения территорий северных народов.

Ключевые слова: Северный край, Русский Север, камерализм, имперское разнообразие, хлебопашество, старообрядчество, география власти, русификация

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-1-23-38

Нормативность понятия «Русский Север» представляется на первый взгляд самоочевидной. Понятие прочно закреплено в историографии, посвященной различным аспектам прошлого северных территорий Европейской части России (Кизеветтер, 1919; Ополонников, 1977; Макаров, 1993; Теребихин, 2004; Власова, 2015 и др.). В качестве топонима оно используется в различных проектах территориального брендинга областей и населенных пунктов Се-

веро-Западного федерального округа РФ (Суворова, 2013; Бодрова, 2018; Тимошенко, 2021). Наконец, «идея северности России» является одним из направлений конструирования современной версии российской «самобытности» (Головнёв, 2022). «Русский Север» все чаще предстает некой мифопоэтической вневременной сущностью, укорененной в национальной истории как ее своеобразный стержень (Шнирельман, 2015; Матвейчев, Беляков, 2019). Вместе с тем понятие «Русский Север» появилось сравнительно недавно, оно вошло в употребление лишь в 80–90-е годы XIX века как специфический инструмент государственной риторики (Калуцков, 2008; Шабаяев, Жеребцов, Журавлев, 2012; Мельникова, 2019).

Целью данной статьи является реконструкция зарождения понятия «Русский Север» в трудах отечественных ученых, общественных деятелей и чиновников середины XVIII — первой половины XIX века. В рассматриваемый период для наименования северных пределов Российской империи использовались такие речевые конструкции, как «северная сторона», «северные наши страны», «полуночные страны», «приполярная Украина», «Северный край», «Российский Север», «Север России». Они обозначали огромные территории, простирающиеся к северу от «коренной России», скорее как сферу ее влияния, нежели как ее органическую часть. Их принадлежность империи еще следовало обосновать, что и было сделано учеными, обеспечившими, выражаясь словами Л. Вульфа, «интеллектуальное покорение этого края посредством науки» (Вульф, 2003: 229). При этом культурное конструирование периферии было неотделимо от культурного конструирования центра: они притягивали внимание современников как взаимно дополняющие части одного целого и на карте, и в сознании, поскольку наблюдатели из центра едва ли могли описать главные отличия периферии, не формулируя одновременно по умолчанию и собственную исходную позицию (Вульф, 2003: 521). Культурное конструирование или изобретение территории состояло в установлении связей, основанных и на фактах, и на вымысле, благодаря чему и возникали «Сибирь», «Кавказ», «Русский Север» и другие «миры» как аналитические категории (Вульф, 2003: 516). Они рождались из разнообразного набора интеллектуальных операций, таких как наблюдение, описание, сравнение, систематизация, дифференциация и т.д., осуществлявшихся государственными чиновниками, учеными и путешественниками, поэтами и философами — личностями, нередко совмещавшими в себе сразу несколько из перечисленных аспектов.

«Как великая и славная, но древним совсем неизвестная часть света, в Российской империи известна учинилась»

В основе петровской модернизации России лежали принципы «имперского камерализма», согласно которым «добрый порядок» до-

стигался посредством рациональной организации государственных учреждений и эффективного использования всех естественных ресурсов страны (Campanola, 2010: 147). Изыскание и опись последних должны были осуществить академические экспедиции. В частности, в 1772–1775 годах Север Европейской части России обследовала экспедиция Ивана Лепехина — Николая Озерецковского (Лукина, 1961: 339). В своих отчетах они часто упоминали «тяжелую зимнюю стужу» и «угрюмый вид окрестностей», но при этом неизменно подчеркивали, что северные земли лишь на первый взгляд «полны унынием». Чрезвычайно перспективными, «чаемыми прибытками как для казны, так и для народа», Лепехин и Озерецковский считали морские — звериные, рыбные и сальные — промыслы «поморян» Архангелогородской губернии (Лепехин, 1805: 8–14, 192). Но почему в то время, когда голландские промысловики сколачивали себе на добыче морского зверя в «Северном океане» (Баренцевом море) целые состояния, «поморяне» в массе своей бедствовали, едва сводя концы с концами? Причину столь странно-го положения дел ученые объясняли технологической отсталостью «поморян», их приверженностью традиционным, нередко основан-ным на суевериях, методам судостроительства, мореходства и охоты (Лепехин, 1805: 361–363).

Во многом благодаря Лепехину и Озерецковскому Север Европейской асти России был нанесен на политическую карту страны, взвешен на весах экономики и включен в различные камеральные реестры. Помимо прочего, таким образом окраины империи превращались в границы (Кивельсон, 2012: 249). Однако отдаленность «приполярной Украины» от стратегически важных для С.-Петербурга торговых путей, малонаселенность и труднодоступность значительно снижали ее ценность в глазах российской монархии. Тем не менее северные территории заняли свое место в имперском ментальном пространстве и как таковые — в процессе интеллектуальной сборки «имперского общества» как принципиально гетерогенного, полиэтнического и мультикультурного поля социального, дискурсивного и политического взаимодействия (Что такое «новая имперская история», 2007: 225).

При описании российских «последних земли пределов, простирающихся к северу» петербургские ученые опирались на общие для европейской науки античные тексты, черпая из них необходимую терминологию («уповательно для избежания какого-либо варварского слова, о котором римские авторы ничего не знали» (Лепехин, 1805: 377)) и вписывая таким образом свои труды в глобальный академический контекст. Вслед за Михаилом Антонием Баудрандом, автором составленной на основе античных текстов «Geographie ordine litterarum disposite» (1682 год), Озерецковский отождествлял «Российский Север» с северной частью «Азиатской Сарматии». Весьма произвольно цитируя труд Баудранда, он сообщал, что в XVII веке это была «северная часть государства Московско-

го, или Белая Россия», в состав которой входили «провинция Двинская, Кондора, Печора, Пермия, Самоедия, Сибирь, Вятка, Лапландия, Лукомория» (Лепехин, 1805: 374)¹. Омывавшие северные земли России воды Мирового океана Баудранд именовал «Сарматским морем». Примечательно, что у Овидия так назывался Понт Эвксинский (Черное море). В этой связи Озерецковский замечал, что у первых греков север был во Фракии, но по мере расширения цивилизации и открытия новых земель он переносился все дальше, пока не достиг предполюсной области. Соответственно, и название «Сарматское море» постепенно сместилось с Черного моря на Белое море. «Сарматское море, — пояснял Озерецковский, — есть часть океана Северного к Белому морю и к Северной части Московского государства, прилежащая между устьями рек Оби и Двины» (Лепехин, 1805: 375). Озерецковский также утверждал, ссылаясь на «Краткий российский летописец» М. В. Ломоносова, что «распространение славян северных до рек Выми и Печоры и даже до Оби» произошло задолго до того, как «Ермак открыл вход в Сибирь военной рукою» (Лепехин, 1805: 383, 397). Так к Московскому государству были «приобщены... народы сей части: емь, лопь, двинян, югров или югдоров, зырян и пермов», у которых, подчеркивал Озерецковский, за исключением «югров и пермов», не было собственных князей. Иначе говоря, русские, по Озерецковскому, еще в стародавние времена привнесли в «северные страны» государственность и «подали первый повод, что сия великая и славная, но древним совсем незнаемая часть света, в Российской империи известна учинилась» (Лепехин, 1805: 396).

Народы Севера Европейской части России на «цивилизационной шкале» науки XVIII века

Население Севера Европейской части России составляли, согласно Озерецковскому, прежде всего два народа — россияне и самоеды — отличающиеся друг от друга «языком, верою и образом жизни» (Лепехин, 1805: 206). Если происхождение первых выводилось от «славян северных», то происхождение вторых оставалось загадкой. В. Н. Татищев называл самоедов потомками сарматов (Татищев, 1950: 131). Озерецковский считал их «азиатским народом», начало и происхождение которого «относить надлежит ко внутренним местам Сибири» (Лепехин, 1805: 202). Положение обитателей Севера Европейской части России на «шкале сравнительной цивилизованности» (термин Л. Вульфа (Вульф, 2003: 77)) определялось следующими критериями: 1) культурная близость «славенороссийскому народу»; 2) восприимчивость к проповеди христианской ре-

1. В соответствующем фрагменте сочинения Михаила Антония Баудранда «Белая Россия» не упоминается (Baudrand, 1682: 680).

лигии и 3) лояльность российским властям. Ни одному из этих признаков самоеды не соответствовали. Они проживали «на берегах азиатских Ледовитого моря» от Мезени до Оби и от Оби до Лены (Лепехин, 1805: 197, 205), на землях, с точки зрения «коренных россиян», совершенно непригодных для проживания, и вели кочевой, то есть дикий в классификационной системе науки того времени образ жизни (Вульпиус, 2023: 281–286). Просвещенному цивилизатору самоеды представлялись «крайне нечистоплотными», «всеядными», «грубыми и безграмотными», «тупоумными». В глазах Озерецковского они были *enfants terribles* Севера, к тому же воинственными, склонными к «набегам и покушениям» на отдаленные русские остроги (Лепехин, 1805: 279).

На более высокой ступени развития, по мнению Озерецковского, стояли зыряне. Считавшиеся потомками легендарной чуди (Ломоносов, 1760: 5), они обитали при реках Ижме, Вычегде и Выми, вели оседлый образ жизни, занимались хлебопашеством, были «опрятнее прочих деревенских жителей». В XIV веке зыряне были «просвещены святым крещением» и, сохранив свой собственный язык, освоили русский. Зыряне представляли собой наглядный пример того, как «дикие» северные племена могут быть «через долгое время и принятием христианской веры присовокуплены к российскому народу» (Лепехин, 1805: 282, 397).

Высшую ступень в составленной Озерецковским иерархии групп населения «Северного края» занимали «приморские россияне», называемые также «беломорцами» или «поморскими поселянами». Однако здесь было важное исключение: «поморских поселян» — ревностных старообрядцев Озерецковский относил к самому низкому уровню иерархии, ставя их в один ряд с самоедами: и тех, и других он находил глубоко суеверными, нечистоплотными и «вонючими» (Лепехин, 1805: 118–119). Более умеренных в приверженности к «старой вере» «поморских поселян» Озерецковский описывал заметно доброжелательнее. Тем не менее в XVIII веке «поморские поселяне» еще не считались частью «славенороссийского народа» (Лескинен, 2010: 4–5). Признать в них «своих» представителям «коренной России» мешали, во-первых, разительно отличающийся от привычного им уклада «поморский» образ жизни; во-вторых, широко распространенное среди «поморских поселян» раскольниковство и, в-третьих, подозрение «поморских поселян» — как это часто бывало в отношении жителей имперских окраин — в сепаратистских настроях.

«Приполярная Украина»: бесхлебный и раскольниковый край

Всем россиянам, бывавшим в «Северном крае», бросалось в глаза отсутствие здесь характерных для «коренной России» форм сельского хозяйства. Бедность «приморских россиян», вызывавшая озабочен-

ность властей, считалась прямым следствием отсутствия на севере развитого земледелия. В 1785 году назначенный правителем Олонекского наместничества Г. Р. Державин выделил в своем отчете три причины «весьма недостаточного» хлебопашества в крае. Во-первых, «ежегодное почти от дому отлучение [местных сельских жителей] в другие города [на заработки]», то есть отходничество, главным образом в С.-Петербург и Петрозаводск, реже — в Новгород (Поденная записка, 1958: 162, 166, 185). Во-вторых, местные жители явно предпочитали полевым работам рыболовство и добычу морского зверя. «Большая же часть поселян ездят на рыбные промыслы в Мурманске... ловят треску, пикшей и палтасину и продают в Архангельске». Расхожее среди «беломорцев» выражение «Море — наше поле; даст Бог рыбу, даст и хлеб» не только отражало экономическую основу их жизненного уклада, но и подчеркивало их отличие от обитателей хлебопашной «коренной России» (Поденная записка, 1958: 166, 174, 188). Наконец, в-третьих, развитие земледелия в «Северном крае» было объективно ограничено «по холодности климата». В тех случаях, когда местные жители все же брались за полевые работы, они предпочитали выращивать «только рожь, ячмень, овес, пшеницу, коноплю, лен и горох» (Поденная записка, 1958: 188–189). Но и эти злаковые культуры далеко не всегда оправдывали трудозатраты по уходу за ними. Выгоду приносило выращивание льна (Поденная записка, 1958: 165). Казалось бы, отчет Державина ясно указывал на наиболее перспективные направления (судоходство, рыболовство, льноводство) развития северного хозяйства. Однако вся эта деятельность воспринималась им и другими имперскими чиновниками исключительно как способ уклонения «приморских россиян» от хлебопашества, которое, помимо прочего, воспринималось и как важная дисциплинирующая практика. В отдалении от правительства, без контроля со стороны помещиков «приморские россияне», по наблюдениям Державина, становились «своевольны и несколько грубы к ближним начальникам» (Поденная записка, 1958: 177).

Посетивший в 1791 году «северорусские губернии» (Олонекскую, Архангельскую и Вологодскую) частный путешественник отставной секунд-майор П. И. Челищев также высказал озабоченность слабыми началами гражданственности «единоземцев своих Россиян» (Челищев, 1886: 87). Он сообщал в Академию наук, что русское население «приполярной украины» еще недостаточно глубоко восприняло идею государственной пользы, вследствие чего и стояло несколько особняком от «россиян». В частности, Челищев укорял северных жителей в хищническом истреблении лесов (переводе ценных для кораблестроения пород деревьев на смолокурение), в работе на иностранных лесопромышленников («сребролюбивых иноземцев», «разорителей края») и в упорной приверженности раскольническому толку, покрывающим «обширный сей край... густым туманом лжеверия и буйства», от которого происходит «вредная государственным интересам народная гибель» (Челищев, 1886: 23, 86, 139–140, 273).

М. Г. Агапов
От «Севера Рос-
сии» к «Русскому
Северу»...

Присоединение России к континентальной блокаде после заключения Тильзитского мира и последовавшая затем Англо-русская война изменили геополитическое значение Севера Европейской части России. В 1807–1812 годах, пока Балтийское море было прочно заперто британским флотом, Архангельск пережил свой второй расцвет, вернув себе потерянный после основания С.-Петербурга статус главных морских ворот Российской империи. После того как британский флот разорил Кола и весь Мурманский берег (Рейнеке, 1880: 18–19), всем их жителям именным указом Александра I от 6 мая 1810 года было разрешено производить в Норвегии мену трески и палтусины на ржаную муку без взимания за привоз рыбы установленной пошлины². 12 сентября 1811 года действие указа было распространено на Кемский уезд и Сумский посад³. Рассматриваемая первоначально как временная мера, льготная меновая хлебная торговля неоднократно расширялась на новые территории и продлялась, пока, наконец, в 1838 году не была установлена бессрочно. К этому моменту льготный район включал полностью Кольский, Кемский и частично Архангельский и Онежский уезды Архангельской губернии. В официальных документах он стал именоваться «Поморским краем», а его жители — «поморами». Как точно заметил Д. Л. Семушин, «поморская торговля создала поморов» (Семушин, 2014: 136). Таким образом, в первой четверти XIX века «приполярная Украина» была заново включена в российскую мозаику имперских окраинных систем особых статусов, льгот и привилегий (Урушадзе, 2019).

Лично познакоившись летом 1819 года с «Северным краем», Александр I решил включить Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии в один из пяти проектируемых округов (генерал-губернаторств) великорусских губерний (Болтунова, 2022: 43). Однако уже в самом начале царствования Николая I этот проект был отвергнут и вопрос об отношении «Северного края» к «коренной России» остался открытым. Зарождающаяся местная интеллигенция сделала своей трибуной «Архангельские губернские ведомости». Архангельские краеведы, литераторы и поэты — И. Варовчиков, И. Муромцев, П. Кузьмищев, М. Истомин, М. Заринский, О. А. Богуслав и др. — представляли свой край и его население как органическую часть России. Столичные интеллектуалы в целом поддерживали такой взгляд на Европейский Север страны. Н. И. Надеждин относил к «Великой России» «все губернии нынешней Российской империи, расположенные по водам Северной Двины, Волги и Дона, включительно с бассейнами Ильменя, Ладоги и Онеги». Основанием для такой категоризации служила не столько общность историче-

2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее — ПСЗ-1). Т. 31. № 24221. С. 175–176.

3. ПСЗ-1. Т. 31. № 24767. С. 837–838.

ских судеб названных земель (этот вопрос активно дискутировался), сколько их сходство «в гражданском отношении... по так называемому “Учреждению о Губерниях”» (Надеждин, 1837).

Размышления об исторических судьбах «наших северных стран» занимали центральное место на страницах выходившего в С.-Петербурге в 1845–1847 годах учено-литературного журнала «Финский вестник». Его издатель и редактор Ф. К. Дершау ставил своей целью познакомить читателей с историей, литературой и современной жизнью северных стран. Интеллигенция северорусских губерний с большим интересом восприняла выход «Финского вестника». Материалы столичного журнала неоднократно перепечатывались в «Архангельских губернских ведомостях». В 1845 году Ф. К. Дершау опубликовал программную статью «Север Европейской России». В ней, насколько нам известно, впервые было использовано понятие «русский север», к которому автор отнес «во-первых, Финляндию, потом губернии: Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, северную часть Пермской губернии, Вятской, Костромской, Ярославской и Новгородской, Петербургскую, Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую» (Дершау, 1845: 33). Следует заметить, что Дершау занимался конструированием «русского севера» в то самое время, когда с подачи министра просвещения и президента Академии наук графа С. С. Уварова российская научная и общественно-политическая мысль была занята разработкой теории имперского национализма. Центральным положением последней был тезис о «самобытности» России, который требовал надежного историко-культурного обоснования (Велижев, 2022). Откуда российская «самобытность» брала свое начало? Официальная доктрина указывала на Московское царство. Н. И. Надеждин считал, что «начала нашей исторической жизни связаны с Карпатами и Дунаем» (Надеждин, 1842). Дершау был убежден в северном происхождении и северных перспективах российской государственности. Противопоставляя русский север скандинавскому, он утверждал, что последний уже выполнил свою историческую миссию — она заключалась в том, чтобы «положить основания нескольким государствам» (Дершау, 1845: 27) — тогда как первому еще только предстоит исполнить свое всемирно-историческое предназначение (Дершау, 1845: 88). Североцентристский взгляд Дершау на российскую историю не встретил сочувствия у разработчиков «национального» исторического нарратива. «Северный край» представлялся им слишком отдаленным и дремучим для того, чтобы воспринимать его всерьез.

Сетования по поводу пренебрежения со стороны правительства нуждами северных губерний не сходили в это время со страниц «Архангельских губернских ведомостей». Стараясь привлечь внимание имперского центра к «Северному краю», местные интеллектуалы и общественные деятели с неизменным постоянством продвигали в губернской и по возможности в столичной печати три взаимосвязанных тезиса: во-первых, о ресурсном богатстве Севера России; во-вторых, о нависшей над ним угрозе иностранной экс-

пансии; и, в-третьих (но не по важности), о его исконно русском характере. Инкорпорация в национальное тело представлялась общественным деятелям «Северного края» первейшим и надежнейшим способом его экономического и социального «оживления». Голосом «Севера России» в 40–50-е годы XIX века был архангельский предприниматель, краевед и публицист Осип (Иосиф) Августович Богуслав. Позиционируя беломорцев «истинно русскими», «верными сынами Отечества», крепко привязанными к своему далекому краю, Богуслав буквально требовал от правительства, чтобы и оно, в свою очередь, было радетьельным отцом своим детям, то есть покровителем, защитником их деловых интересов. В той ситуации, когда краеугольным камнем официальной идеологии стала «национальная религия», общественность считавшегося раскольническим края приложила немало усилий для того, чтобы доказать свою лояльность государственной церкви. В 1847 году местный поэт М. Истомин воспел «Северный край» как «Святой Руси оплот полночный» (Истомин, 1847). Переосмыслению Севера России как одного из общенациональных центров Русского православия способствовал пришедшийся на 1840–1850-е годы заметный рост потока паломников в Соловецкий монастырь (Алексеева, 2016). Его героическая оборона во время Крымской войны (1853–1856) и визит в 1858 году на Соловки императора Александра II содействовали повышению статуса Севера России в иерархии имперских территорий.

Переописание Севера России в посткрымский период: дискурс русификации как модернизации и физической ассимиляции

С началом либерализации российской внутривластной жизни память о новгородском прошлом «Северного края», которая всегда присутствовала на региональном уровне, стала важной частью либерального историко-философского нарратива (Lübke, 1984). В эпоху Великих реформ сокращение культурной дистанции между имперским центром и его европейской северной периферией во многом обуславливалось востребованностью воображаемого республиканского (новгородского) опыта как альтернативы самодержавной (московской) модели развития страны. Отправлявшиеся на «дальний север» путешественники 50–60-х годов XIX века старательно искали там «в неприкосновенной целости следы славянского новгородского элемента» (Максимов, 1859б: 370). Однако при ближайшем знакомстве с жителями «Северного края» они были вынуждены признать несоответствие поморов их идеализированному образу, составленному в литературных салонах: «Большого застоя, большого невнимания к делу трудно найти и в ином месте, и в иных делах русского человека, как в беломорских промыслах» (Максимов, 1859а: 437). «...Помор архангельский так же, как и всякий другой русский человек, на трех сваях сто-

ит: авось, небось, да как-нибудь; хотя тот и другие давно и хорошо знают, что знайка бежит, незнайка лежит, что во всяком деле почин дорог» (Максимов, 1859б: 239).

С. В. Максимов отправился на Белое Поморье по поручению Морского министерства. Начинающему беллетристу предстояло дать обстоятельное описание местных жителей, рассматривавшихся чиновниками в качестве потенциальных рекрутов российского флота (Максимов, 1986: 82). В написанной по итогам путешествия книге «Год на Севере» Максимов представил широкую панораму народной жизни далекого края. Как и многие его современники-«народоведы», он был озабочен проблемой этнографического разнообразия и национального единства страны (Могильнер, 2008). Ключ к ее решению Максимов видел в модернизирующей русификации, которая, с одной стороны, должна была обеспечить рост благосостояния местного населения, а с другой — сделать его органической частью единого национально-государственного тела. В отличие от своих предшественников Максимов выступал не только за культурную (освоение русского языка, христианизация, перенимание образа жизни и т.д.), но и за физическую русификацию (ассимиляцию) индигенного населения. Так, обрисовав физический облик лопаря, он заключал, что тот «составляет как бы переход от инородческого племени к русскому, хотя бы, например, от того же самоеда к печорцу» (Максимов, 1859а: 393). Печорцев (ижемских зырян), в свою очередь, Максимов считал продуктом «смеси коренных зырян с людьми русской крови новгородского происхождения» (Максимов, 1871: 479)⁴. Он с восторгом отмечал, что наиболее развитые, по его оценкам, местные «племена» «большею частию или уже обрусели, или находятся в последнем, близком к этому великому делу периоде» (Максимов, 1859а: 392). Если ассимиляция не удавалась или шла недостаточно быстро, то индигенное население подвергалось риторической маргинализации и «лишалось» прав на свои земли в пользу «великороссов», которым приписывались исключительные способности в деле освоения новых территорий. Так, Максимов утверждал: «Умение освоиться с чужой местностью в течение шести-семи веков, как с родною, дает почти прямое право считать русское племя за аборигенов побережья Белого моря, а настоящих аборигенов — финское племя лопарей — как пришлецов, как гостей на чужом пиру и притом гостей почти лишних и ненужных» (Максимов, 1859а: 391–392).

Заключение

На первый взгляд русификаторский дискурс не отличался от камералистского: он также распределял местные племена по «шкале сравни-

4. В более ранних изданиях книги С. В. Максимова «Год на Севере» такая оценка зырян не встречается.

тельной цивилизованности», утверждая приоритеты прогрессивного развития отдаленных окраин и их населения. Однако по своей сути русификаторский и камералистский языки различались кардинально. Тогда как последний не подрывал и не опровергал существующий миропорядок, лишь фиксируя и каталогизируя разнообразные сущности, первый был нацелен на «революционный акт переописания» (термин М. Могильнер (Могильнер, 2008: 16)). Зародившийся под влиянием биологического эволюционизма в русле беллетризованного народоведения, русификаторский дискурс был нацелен на радикальную переборку имперского общества. С. В. Максимов относился к числу тех российских этнографов (в 1900 году он получил звание почетного академика Петербургской академии наук), кто понимал этнографию как историю русификации (ассимиляции) этнических меньшинств (Могильнер, 2008: 88). Ситуация имперского разнообразия воспринималась ими как ненормальная. Речь шла о формировании единого национально-государственного тела, посредством распространения вплоть до самых крайних пределов страны доминирования государствообразующей имперской «народности» (Пулькин, 2021). Именно таким образом была заложена основа для символического присвоения территорий северных народов (Мельникова, 2019: 6).

Библиография

- Алексеева Н. В. (2016). Традиция поклонения святым местам на Русском Севере в XIX в. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 4. С. 167–172.
- Бодрова О. А. (2018). «Поморский бренд» в культурно-массовой деятельности Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 15. С. 32–41.
- Болтунова Е. М. (2022). «Край... от взора Монаршего несколько отдаленный»: Центральная Россия в первой половине XIX в. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 2 (32). С. 35–52.
- Велижев М. Б. (2022). Чаадаевское дело: идеология, риторика и государственная власть в николаевской России. М.: Новое литературное обозрение.
- Власова И. В. (2015). Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения. М.: ИЭА РАН.
- Вульпиус Р. (2023). Рождение Российской империи: концепции и практики политического господства в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение.
- Вульф Л. (2003). Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение.
- Головнёв А. В. (2022). Северность России. СПб.: МАЭ РАН.
- Дершау Ф. К. (1845). Север Европейской России // Финский вестник. Т. 4. С. 21–94.
- Истомин М. (1847). Судьбы Архангельска // Архангельские губернские ведомости. № 15. С. 211–212.
- Калуцков В. Н. (2008). Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф.
- Кивельсон В. (2012). Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века / Пер. с англ. Н. Мишаковой. М.: Новое литературное обозрение.
- Кизеветтер А. А. (1919). Русский Север: Роль Северного края Европейской России в истории русского государства: исторический очерк. Вологда: Вологодское центральное общество сельского хозяйства.

- Лепехин И. И. (1805). Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. Часть IV: в 1772 году. СПб.: При Имп. Акад. наук.
- Лескинен М. В. (2010). Великороссы/великорусы в российской научной публицистике (1840–1890) // Славяноведение. № 6. С. 3–17.
- Ломоносов М. В. (1760). Краткий российский летописец с родословием. СПб.: Тип. Императорской Академии наук.
- Лукина Т. А. (1961). Экспедиции академика Лепехина в XVIII в. // Труды института истории естествознания и техники. Т. 41. М.–Л.: Издательство АН СССР. С. 324–352.
- Макаров Н. А. (1993). Русский Север: таинственное средневековье. М.: Б/и.
- Максимов С. В. (1859а). Год на Севере. Том I. Белое море и его побережья. СПб.: Издание книгопродавца Д. Е. Кожанчикова.
- Максимов С. В. (1859б). Год на Севере. Том II. Поездка по северным рекам. СПб.: Издание книгопродавца Д. Е. Кожанчикова.
- Максимов С. В. (1871). Год на Севере. СПб.: Тип. А. Траншеля.
- Максимов С. В. (1986). Литературная экспедиция (по архивным документам и личным воспоминаниям) // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник. С. 80–108.
- Матвейчев О., Беляков А. (2019). Гиперборея: приключения идеи. М.: Книжный мир.
- Мельникова Е. А. (2019). «Здесь русский дух...»: к истории Русского Севера на символической карте воображаемой России // Кунсткамера. № 1 (3). С. 6–22.
- Могильнер М. (2008). Ното imperii. История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX в.). М.: Новое литературное обозрение.
- Надеждин Н. И. (1837). Великая Россия // Энциклопедический Лексикон. Т. 9. Вар. — Вес. СПб.: Тип. А. Плюшара. С. 261–276.
- Надеждин Н. И. (1842). Записка о путешествии по южно-славянским странам // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XXXIV. Отд. II. С. 87–106.
- Ополовников А. В. (1977). Русский Север. Памятники зодчества. М.: Стройиздат.
- Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным. 1785 год июля 19 (1958) // Пименов В. В., Элштейн Е. М. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск: Государственное издательство КАССР. С. 157–191.
- Пулькин М. В. (2021). Укрепляя империю: политика русификации на северных окраинах России в XIX — начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии) // Исторический курьер. № 5. С. 87–97.
- Рейнеке М. Ф. (1880). Описание города Колы, в Российской Лапландии. СПб.: Тип. Н. Греча.
- Семусин Д. Л. (2014). «Поморская торговля» и «Русские поморы» с точки зрения российского Государственного законодательства XIX века // Арктика и Север. № 15. С. 125–146.
- Суворова М. Е. (2013). Бренд «Вологда — культурная столица Русского Севера» в восприятии вологжан // Вестник Череповецкого государственного университета. № 3 (49). С. 42–45.
- Татищев В. Н. (1950). Россия или, как ныне зовут, Россия // Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М.: Государственное издательство географической литературы. С. 107–137.
- Теребихин Н. М. (2004). Метафизика Севера. Архангельск: Поморский университет.
- Тимошенко Д. С. (2021). Брендинг арктических туристских дестинаций в России // Арктика и Север. № 42. С. 257–270.
- Урушадзе А. Т. (2019). Что такое Россия? Разнообразие как способ описания Российской империи // Новое прошлое. № 2. С. 8–18.
- Челищев П. И. (1886). Путешествие по Северу России в 1791 году: Дневник П. И. Челищева. СПб.: Тип. В. С. Балашева.
- Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? Беседа с редакторами журнала Ab Imperio Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер (2007) // Логос. № 1. С. 218–238.

Шабает Ю. П., Жеребцов И. Л., Журавлев П. С. (2012). «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. Социология. Этнология. № 4. С. 134–135.

Шнирельман В. (2015). Арийский миф в современном мире: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение.

Baudrand Michaelis Antonii (1682). *Geographia ordine litterarum disposita*. Parisiis / Vol. 2. [Paris]: Apud Stephanum Michalet.

Campagnola G. (2010). Criticisms of classical political economy: Menger, Austrian economics and the German historical school. L.: Routledge.

Lübke Chr. (1984). *Novgorod in der russischen Literatur (bis zu den Dekabristen)*. Berlin: Duncker & Humblot.

М. Г. Агапов
От «Севера России» к «Русскому Северу»...

From the “North of Russia” to the “Russian North”: Intellectual appropriation of the northern territories of the European part of Russia in the mid-18th — first half of the 19th centuries

Mikhail G. Agapov, DSc (History), Leading Researcher, Center of Urban Studies, Tyumen State University. Volodarskogo St., Tyumen, 6625003. E-mail: magapov74@gmail.com

Abstract. The normativity of the “Russian North” concept seems self-evident; however, it was introduced only in the mid-19th century and became an integral part of political discourse and everyday language only at the turn of the 19th — 20th centuries. The concept of “Russian North” had been developed in the works of Russian scientists, public figures and officials from the mid-18th to the first half of the 19th centuries, when the cultural construction of the territory implied connections based on both facts and fiction; thus, “Siberia”, “Caucasus”, “Russian North” and other “regions” became analytical categories. They were the result of a diverse set of intellectual operations (observation, description, comparison, systematization, differentiation, etc.) carried out by government officials, scientists and travelers, poets and philosophers. The cultural construction of the northern imperial periphery was inseparable from the cultural construction of the center, since observers from the center could hardly describe the main features of the periphery without simultaneously identifying their starting position. In the second half of the 18th century, the discourse about the Northern territory became a part of the Russian imperial cameralism with its special distribution of territories and their peoples according to the “scale of comparative civilization” (L. Wolff). In the second half of the 19th century, the Russification discourse became dominant, aiming at the radical reassembly of the imperial society as a single nation-state body. Thus, the “North of Russia” was reconsidered as the “Russian North”, which provided new grounds for the symbolic appropriation of the northern peoples’ territories.

Key words: Northern Territory, Russian North, cameralism, imperial diversity, arable farming, Old-Believers, geography of power, Russification

References

- Alekseeva N. V. (2016) *Traditsiya pokloneniya svyatym mestam na Russkom Severe v XIX v.* [The tradition of worshipping holy places in the Russian North in the 19th century]. *Vestnik PGU. Seriya: Sotsialno-Gumanitarnye Nauki*, no 4, pp. 167–172.
- Baudrand M. A. (1682) *Geographia Ordine Litterarum Disposita*, vol. 2, Paris: Apud Stephanum Michalet.

- Bodrova O. A. (2018) "Pomorsky brand" v kulturno-massovoy deyatel'nosti Murmanskoy oblasti ["Pomor brand" in the cultural-mass activities of the Murmansk Region]. *Trudy Kolskogo Nauchnogo Tsentra RAN. Gumanitarnye Issledovaniya*, vol. 15, pp. 32–41.
- Boltunova E. M. (2022) "Kraj... ot vzora Monarshego neskolko otdalenny": Tsentralnaya Rossiya v pervoy polovine XIX v. ["The land... somewhat distant from the Monarch's sight": Central Russia in the first half of the 19th century]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no 2, pp. 35–52.
- Campagnola G. (2010) *Criticisms of Classical Political Economy: Menger, Austrian Economics and the German Historical School*, London: Routledge.
- Chelishchev P. I. (1886) *Puteshestvie po Severu Rossii v 1791 godu: Dnevnik P. I. Chelishcheva* [A Trip to the North of Russia in 1791: Diary of P. I. Chelishchev], Saint Petersburg: Izd. dom V. S. Balashevs.
- Chto takoe "novaya imperskaya istoriya", otkuda ona vzyalas i k chemu ona idet? Beseda s redaktorami zhurnala "Ab Imperio" Ilyej Gerasimovym i Marinoj Mogilner (2007) [What is the "new imperial history", where did it come from and where does it go to? Conversation with the editors of the *Ab Imperio* Ilya Gerasimov and Marina Mogilner]. *Logos*, no 1, pp. 218–238.
- Derschau F. K. (1845) Sever Evropejskoj Rossii [North of European Russia]. *Finsky Vestnik*, vol. 4, pp. 21–94.
- Golovnev A. V. (2022) Severnost Rossii [Russia's Northerness], Saint Petersburg: MAE RAN.
- Istomin M. (1847) Sudby Arkhangelska [Fates of Arkhangelsk]. *Arkhangelskie Gubernskie Vedomosti*, no 15, pp. 211–212.
- Kalutskov V. N. (2008) *Landshaft v kulturnoj geografii* [Landscape in Cultural Geography], Moscow: Novy khronograf.
- Kivelson V. (2012) *Kartografii tszarstva: zemlya i ee znacheniya v Rossii XVII veka* [Cartographies of Tsardom: Land and Its Meanings in 17th-Century Russia], Moscow: NLO.
- Kizevetter A. A. (1919) *Russky Sever: Rol Severnogo kraya Evropejskoj Rossii v istorii russko-go gosudarstva: istorichesky ocherk* [Russian North: The Role of the Northern Region of European Russia in the History of the Russian State: A Historical Essay], Volgda: VTsOSKh.
- Lepekhin I. I. (1805) *Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii nauk adyunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossijskago gosudarstva. Chast IV: v 1772 godu* [Daily Notes of the Travelling Doctor and Adjunct of the Academy of Sciences Ivan Lepekhin in Different Provinces of the Russian State. Part IV: 1772], Saint Petersburg: Pri Imp. Akad. nauk.
- Leskinen M. V. (2010) Velikorossy/velikorusy v rossijskoj nauchnoj publitsistike (1840–1890) [Great Russians/Rus in the Russian non-fiction (1840–1890)]. *Slavyanovedenie*, no 6, pp. 3–17.
- Lomonosov M. V. (1760) *Kratky rossijsky letopisets s rodosloviem* [Brief Russian Chronicle with Genealogy], Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
- Lübke Chr. (1984) *Novgorod in der Russischen Literatur (bis zu den Dekabristen)*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Lukina T. A. (1961) Ekspeditsii akademika Lepekhina v XVIII v. [Expeditions of the Academician Lepekhin in the 18th century]. *Trudy Instituta Istorii Estestvoznaniya i Tekhniki*, vol. 41, Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 324–352.
- Makarov N. A. (1993) *Russky Sever: tainstvennoe srednevekovie* [Russian North: Mysterious Middle Ages], Moscow.
- Maksimov S. V. (1859a) *God na Severe. T. I: Beloe more i ego pribrezh'ya* [A Year in the North. Vol. I: The White Sea and Its Coasts], Saint Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa D. E. Kozhanchikova.
- Maksimov S. V. (1859b) *God na Severe. T. II: Poezdka po severnym rekam* [A Year in the North. Vol. II: A Trip along Northern Rivers], Saint Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa D. E. Kozhanchikova.

- Maksimov S. V. (1871) *God na Severe* [A Year in the North], Saint Petersburg: Tip. A. Transhelya.
- Maksimov S. V. (1986) Literaturnaya ekspeditsiya (po arkhivnym dokumentam i lichnym vospominaniyam) [Literary expedition (based on archival documents and personal memories)]. *Literaturnye puteshestviya*, Moscow: Sovremennik, pp. 80–108.
- Matvejchev O., Belyakov A. (2019) *Giperboreya: prikladyucheniya idei* [Hyperborea: Adventure of the Idea], Moscow: Knizhny mir.
- Melnikova E. A. (2019) “Zdes russky duh...”: k istorii Russkogo Severa na simvolicheskoy karte voobrazaemoj Rossii [“Here the Russian spirit...”: On the history of the Russian North on the symbolic map of imaginary Russia]. *Kunstkamera*, no 1, pp. 6–22.
- Mogilner M. (2008) *Homo imperii. Istoriya fizicheskoy antropologii v Rossii (konets XIX — nachalo XX v.)* [Homo Imperium. History of Physical Anthropology in Russia (Late 19th — Early 20th Centuries)], Moscow: NLO.
- Nadezhdin N. I. (1837) Velikaya Rossiya [Great Russia]. *Entsiklopedichesky Leksikon*, vol. 9, Saint Petersburg: Tip. A. Plyushara, pp. 261–276.
- Nadezhdin N. I. (1842) Zapiska o puteshestvii po yuzhno-slavyanskim stranam [A note about a trip to the Southern-Slavic countries]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*, part XXXIV, div. II, pp. 87–106.
- Opolovnikov A. V. (1977) *Russky Sever. Pamyatniki zodchestva* [Russian North. Architectural Monuments], Moscow: Stroyizdat.
- Podennaya zapiska, uchinennoy vo vremya obozreniya gubernii pravitelem Olonetskogo namestnichestva Derzhavinyim. 1785 god iyulya 19 [A daily note written during the survey of the province by the ruler of the Olonets governorship Derzhavin on July 19, 1785]. Pimenov V. V., Epshtein E. M. (1958) *Russkie issledovateli Karelii (XVIII c.)*, Petrozavodsk: Gos. izd-vo KASSR, pp. 157–191.
- Pulkin M. V. (2021) Ukrepliyaya imperiyu: politika rusifikatsii na severnykh okrainah Rossii v XIX — nachale XX v. (po materialam Olonetskoj gubernii) [Strengthening Empire: The Policy of Russification on Russia's Northern Outskirts in the 19th — Early 20th Centuries (Based on the Materials from the Olonets Province)]. *Istorichesky Kurier*, no 5, pp. 87–97.
- Rejneke M. F. (1880) *Opisanie goroda Koly, v Rossijskoj Laplandii* [Description of the city of Kola in Russian Lapland], Saint Petersburg: Tip. N. Grecha.
- Semushin D. L. (2014) “Pomorskaya trgovlya” i “Russkie pomory” s tochki zreniya rossijskogo Gosudarstvennogo zakonodatelstva XIX veka [“Pomor trade” and “Russian Pomors” in the Russian state legislation in the 19th century]. *Arktika i Sever*, no 15, pp. 125–146.
- Shabaev Yu. P., Zherebtsov I. L., Zhuravlev P. S. (2012) “Russky Sever”: kulturnye granitsy i kulturnye smysly [“Russian North”: Cultural boundaries and cultural meanings]. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, no 4, pp. 134–135.
- Shnirelman V. (2015) *Ariysky mif v sovremennom mire: v 2 t.* [Aryan Myth in the Contemporary World], in 2 vols., Moscow: NLO.
- Suvorova M. E. (2013) Brend “Vologda — kulturnaya stolitsa Russkogo Severa” v vospriyatii vologzhan [The brand “Vologda is the cultural capital of the Russian North” in the perception of Vologda residents]. *Vestnik Cherepovetskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no 3, pp. 42–45.
- Tatishhev V. N. (1950) Russia ili, kak nyne zovut, Rossia [Rus or, as they call it now, Russia]. *Izbrannye trudy po geografii Rossii*, Moscow: Gos. izd-vo geograficheskoy literatury, pp. 107–137.
- Terebikhin N. M. (2004) *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North], Arkhangel'sk: Pomorsky universitet.
- Timoshenko D. S. (2021) Brending arkticheskikh turistskikh destinatsij v Rossii [Branding of the Arctic tourist destinations in Russia]. *Arktika i Sever*, no 42, pp. 257–270.
- Urushadze A. T. (2019) Chto takoe Rossiya? Raznoobrazie kak sposob opisaniya Rossijskoj imperii [What is Russia? Diversity as a way to describe the Russian empire]. *Novoe Proshloe*, no. 2, pp. 8–18.

- Velizhev M. B. (2022) *Chaadaevskoe delo: ideologiya, ritorika i gosudarstvennaya vlast v nikolaevskoj Rossii* [Chaadaev's Case: Ideology, Rhetoric and State Power in Nikolaev Russia], Moscow: NLO.
- Vlasova I. V. (2015) *Russky Sever: istoriko-kulturnoe razvitie i identichnost naseleniya* [Russian North: Historical-Cultural Development and Identity of the Population], Moscow: IEA RAN.
- Wolff L. (2003) *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment], Moscow: NLO.
- Vulpus R. (2023) *Rozhdenie Rossijskoj imperii: kontseptsii i praktiki politicheskogo gospodstva v XVIII veke* [Birth of the Russian Empire: Concepts and Practices of Political Domination in the 18th Century], Moscow: NLO.